

*Татьяна Владимировна Арутюнян\**

Армения

## К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО РАЗГОВОРА О ЖИЗНИ И СМЕРТИ (БУЛГАКОВ – СТАЛИН – ПАСТЕРНАК)

Одной из актуальных проблем литературоведения является проблема взаимоотношений творческой личности и власти. В связи с этим нам хотелось бы остановиться на одном известном событии, сыгравшем определенную роль в жизни двух писателей – Михаила Булгакова и Бориса Пастернака. Речь идет об их разговоре со Сталиным, нашедшем весьма своеобразное отражение в романах *Мастер и Маргарита* и *Доктор Живаго*. О кратких телефонных беседах, о неожиданных и каверзных вопросах вождя и ответах на них обоих писателей написано довольно много, но хотелось бы внести некоторые дополнения.

Ответ Пастернака на вопрос Сталина о Мандельштаме, моментально ставший известным на всю Москву и, по мнению некоторых исследователей творчества Булгакова, способствовавший появлению названия романа *Мастер и Маргарита*, стал также поворотным и в творческой судьбе самого Пастернака. Существует множество свидетельств о данном разговоре, в первую очередь, А. Ахматовой, З. Пастернак, Н. Ман-

---

\* Кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы Ереванского государственного университета.

дельштам, З. Масленниковой, И. Берлина, Н. Вильмонта, Л. Чуковской, О. Ивинской. Все воспоминания, по всей вероятности, в точности передают подробности беседы поэта с вождем, так как в своей основе повторяют сказанное собеседниками. Приведем лишь ту часть, которая имеет непосредственное отношение к нашей теме: «Сталин: „Но ведь он же мастер, мастер?“ – Пастернак: „Да дело же не в этом...“». Пастернак настаивал на необходимости встречи и более подробного разговора. На вопрос Сталина: «О чем?» прозвучал ответ поэта: «О жизни и смерти»<sup>1</sup>. Разговор этот так никогда и не состоялся в реальной жизни, но некоторые возможные его отголоски прозвучали в *Докторе Живаго*, а также в романе Булгакова, поскольку с ним произошла подобная история. Во время телефонного разговора Сталина с Булгаковым речь шла об иных материях, а в конце короткой беседы вновь прозвучало пожелание встретиться и поговорить, но и этой встрече не суждено было сбыться.

Личность Сталина в 1930–1950-е годы завораживала людей, не стали исключением и многие писатели, видевшие в нем мистическую силу. К примеру, Н. Иванова отмечает вариативность внешнего облика Сталина в восприятии Пастернака. В своей книге<sup>2</sup> она приводит описание Ивинской, которая – со слов самого Пастернака<sup>3</sup> – называет Сталина карликом (в романе *Доктор Живаго* невзрачной внешностью наделен Евграф, брат Юрия Андреевича), а у самого поэта в стихах идет диалог с человеком, уподобленным «поступку ростом в шар земной»<sup>4</sup>. По словам Ивинской, Пастернак верил, что в Сталине воплощается время, история и будущее<sup>5</sup>. На наш взгляд, время и историю в романе Пастернака олицетворяет Стрельников, тогда как будущего у него нет – будущее за Евграфом Живаго, ставшим всесильным генералом в конце романа.

Неоднозначность восприятия личности «кремлевского горца» следует отметить и у Булгакова. В *Батуме* Сталин предстает романтическим юношей, готовым пойти на смерть ради революционных идеалов и спасения жизни своих друзей. Внешность же его совершенно заурядна. Писатель предпринял тщетную попытку представить вождя выдающейся личностью своего времени, но пьеса не удалась и была запрещена к постановке. Несмотря на то, что в данном произведении Сталин наделен только положительными чертами, все же в некоторых эпизодах сквозит

<sup>1</sup> Б. Соколов, *Кто вы, доктор Живаго?*, Москва 2006, с. 60.

<sup>2</sup> Н. Иванова, *Борис Пастернак. Времена жизни*, Москва 2007.

<sup>3</sup> Там же, с. 364.

<sup>4</sup> Там же, с. 365.

<sup>5</sup> Там же, с. 364.

истинное к нему отношение Булгакова, с наибольшей силой проявившееся, конечно же, в романе *Мастер и Маргарита*: Воланд обладает такой же безграничной властью и карательными функциями, что и Сталин, и так же покровительствует Мастеру, как Сталин, не дававший команды расправиться с Булгаковым и Пастернаком.

Сложные взаимоотношения Сталина с обоими писателями нашли отражение в их главных произведениях. При сопоставлении некоторых героев двух романов, написанных в небольшом временном отдалении друг от друга, образуются схожие в идейном плане пары, хотя с существенной, а порой и определяющей корректировкой. В книге З. Гимпелевич-Шварцман *Интеллигент в романах «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита»* предложена следующая классификация героев: в список героев-индивидуалистов включены Свита Воланда – Лесные братья, Иуда – Евраф Живаго, Каифа – Стрельников, члены МАССОЛИТа – Микулицын, Шлезингер, Алоизий Могарыч и др. – Антипов, Самдевятов, Тиверзин и другие<sup>6</sup>. Все типы интеллигентов поделены на несколько групп: индивидуалисты, творческие индивидуальности и блуждающие индивидуальности. К последним отнесены Пилат – Дудоров, Левий Матвей – Гордон, Бездомный – Тоня<sup>7</sup>. На наш взгляд, подобное деление героев на группы не всегда оправдано. В частности, трудно согласиться с сопоставлением Каифы – Стрельникова и Пилата – Дудорова. Отнести Дудорова к блуждающим индивидуальностям, вероятно, можно, но Понтий Пилат – личность другого плана. Если Дудоров – человек, полагающий возможным изменение чего-либо в водовороте жизни своей неустранимостью, твердостью суждений и поступков, то Пилат давно утратил иллюзии (если вообще когда-либо их питал) повернуть ход истории. Он лишь пытается удержать власть, не допустить смуты. Стрельников также не обладает функциями Каифы. Утверждения Гимпелевич-Шварцман о том, что он действует от имени народа, как Каифа оправдывает любые свои деяния служением Богу, не совсем верны. По силе духа Стрельников намного ближе к Пилату и, подобно Каифе, не способен на подлость. Стрельников и Пилат как представители высшей власти ведут нелегкий разговор со своим духовным оппонентом на протяжении всего повествования.

Попытаемся выявить точки соприкосновения и параллели между реальным разговором Пастернака со Сталиным (именно эта беседа является отправной точкой нашего исследования) и диалогами пастернаков-

---

<sup>6</sup> З. Гимпелевич-Шварцман, *Интеллигент в романах «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита»*, Orange (Conn.) 1988, с. 77.

<sup>7</sup> Там же, с. 79.

ских Стрельникова – Живаго и булгаковских Пилата – Иешуа Га-Ноцри, отразившие с поразительной глубиной, в сущности, одну из важнейших проблем жизни и творчества двух писателей – противоположность мышления правителя и творца.

Веденяпинское «сангвинистическое свинство жестоких, оспую изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий поработитель» можно объяснить неприятием Пастернаком сталинской эпохи, в них звучит намек и лично на самого «отца народов». Как отмечает Е. Пастернак<sup>8</sup>, убеждение писателя в противоположности человека творческого и человека действия, «гения поступка», на протяжении всего его творчества не изменилось, а лишь получило развитие. Еще в одной из ранних статей Пастернак озвучил мысль о «героях отречения», полем сражения которых стало поле вторжения Истории в Жизнь:

Нечеловеческое лежит в основе вашей человечности. Жизнь и смерть, восторг и страдание – ложные эти наклонности особи – отброшены. Герои отречения, в блистательном единодушии признали вы состояния эти светотенью самой истории и вняли сокрушительному ее внушению<sup>9</sup>.

Данная концепция получила развитие в образе Антипова-Стрельникова. На другом полюсе – рассуждения Юрия Живаго о «гениях самоотречения», ибо, по Пастернаку, «солдатам абсолютной истории» всегда противопоставлена творческая личность. В черновых набросках к роману звучит принципиальное противопоставление двух жизненных позиций:

Как он любил всегда этих людей убеждения и дела, догматиков революции и религии. И как никогда, никогда не задавался целью уподобиться им и последовать за ними. Совсем в другом направлении шла его работа над собой<sup>10</sup>.

Стрельников, являясь «законченным явлением воли», в некоторой степени уподоблен Сталину, отгородившемуся от остального мира и с высоты своего положения наблюдавшему и часто игравшему людскими судьбами. В романе Лара тонко и глубоко поясняет трагическую предопределенность судеб такого рода людей, принесших в жертву идее – религиозной или революционной – самих себя, совершивших сделку с совестью, ввергнувших в трясины свою бессмертную душу:

Люди, когда-то освободившие человечество от ига идолопоклонства и теперь в таком множестве посвятившие себя освобождению его от социаль-

<sup>8</sup> Е. Пастернак, *Борис Пастернак. Биография*, Москва 1997, с. 508.

<sup>9</sup> Б. Пастернак, *Черный бокал*, в кн.: он же, *Полное собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. V, Москва 2004, с. 16.

<sup>10</sup> Е. Пастернак, *Борис Пастернак. Биография...*, с. 508.

ного зла, **бессильны освободиться от самих себя**, от верности отжившему допотопному наименованию, потерявшему значение, **не могут подняться над собою** и бесследно раствориться среди остальных, религиозные основы которых они сами заложили и которые были бы им так близки, если бы они их лучше знали<sup>11</sup>.

Безапелляционность суждений, бегство от самого себя в политику, стремление всеми силами удержать власть – все эти черты в той или иной степени присущи Стрельникову. Он решительно расправляется со своими врагами, как и Сталин, предполагает предательство со стороны своих сторонников, а друзей у него нет. Неожиданное появление Стрельникова на месте бунтов в романе описано скупыми, но емкими штрихами: «Во все места он сваливался, как снег на голову, судил, приговаривал, приводил приговоры в исполнение, быстро, сурово, бестрепетно»<sup>12</sup>.

Для того чтобы делать добро, его принципиальности недоставало беспринципности сердца, которое не знает общих случаев, а только частные, и которое велико тем, что делает малое [...]. Он считал жизнь огромным ристалищем, на котором, честно соблюдая правила, люди состязаются в достижении совершенства. Когда оказалось, что это не так, ему не пришлось в голову, что он не прав, упрощая миропорядок<sup>13</sup>.

В то время как Живаго ясно осознает, что «спасение не в верности формам, а в освобождении от них»<sup>14</sup>, Стрельников, как и Сталин, загнал обиду глубоко внутрь и создал вокруг себя тот мир, в котором можно было существовать, но с вечной оглядкой, ожидая удара в спину. Так появилась маска, ставшая впоследствии железной.

Он был умен, очень храбр, молчалив и насмешлив. Временами, глядя на него, Галиуллин готов был поклясться, что видит в тяжелом взгляде Антипова, как в глубине окна, кого-то второго, прочно засевшую в нем мысль, или тоску по дочери, или лицо его жены. Антипов казался заколдованным, как в сказке<sup>15</sup>.

Те же судьбоносные перемены заметила в Стрельникове и Лара:

Точно что-то отвлеченное вошло в этот облик и обесцветило его. Живое человеческое лицо стало олицетворением, принципом, изображением идеи<sup>16</sup>.

---

<sup>11</sup> Б. Пастернак, *Доктор Живаго*, в кн.: он же, *Полное собрание сочинений в одиннадцати томах*, т. IV, Москва 2004, с. 299–300. Выделено мной. – Т. А.

<sup>12</sup> Там же, с. 250.

<sup>13</sup> Там же, с. 251.

<sup>14</sup> Там же, с. 247.

<sup>15</sup> Там же, с. 115–116.

<sup>16</sup> Там же, с. 399.

Разговор Стрельникова с Живаго во многом передает атмосферу и в некоторой степени суть разговора Пастернака со Сталиным. Первая встреча героев романа состоялась в боевых условиях, и из уст Стрельникова прозвучали слова:

Сейчас Страшный суд на земле, милостивый государь, существа из Апокалипсиса с мечами и крылатые звери, а не вполне сочувствующие и лояльные доктора<sup>17</sup>.

Этот страшный суд творился на земле и в реальной жизни, в эпоху трагических событий, когда в застенках погибали поэты, художники. Стрельникову – «гению поступка» – непонятна позиция Живаго – личности свободной по отношению к окружающей действительности, его смирение перед роком событий, «философия свободного духа», суть которой, по Бердяеву, – «в тесной связи исторического процесса с духовной жизнью»<sup>18</sup>. Живаго разговаривает со Стрельниковым спокойно, без страха перед карающей рукой. Точно так же, по свидетельству жены, говорил со Сталиным Пастернак – без тени трепета и преклонения. Желание поэта поговорить о жизни и смерти, не осуществившееся в жизни, получило воплощение и интерпретацию во второй беседе двух главных героев его романа. Стрельников поясняет суть своего порыва, своего «поступка, ростом в шар земной»:

А мы жизнь приняли, как военный поход, мы камни ворочали ради тех, кого любили. И хотя мы не принесли им ничего, кроме горя, мы волоском их не обидели, потому что оказались еще большими мучениками, чем они<sup>19</sup>.

Принеся в жертву свою духовную, да и физическую свободу, такие люди оказались обречены на вечную муку. Они положили свою жизнь к ногам идеи, возможно, ложной, ибо, по мысли Живаго и самого автора романа, «она [жизнь. – Т. А.] сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий»<sup>20</sup>. Переделка мира хирургическим путем невозможна. Отсюда и неприятие Живаго революции, несоединимость его со Стрельниковым. Так же несоединимы и Пастернак со Сталиным, взявшим на себя непосильную для человека ношу – решать судьбы других людей, отправлять кого-то на казнь, а кому-то даровать жизнь и держать в золотой клетке. Если у Живаго, как у любой творческой личности, есть выход – искусство, то «гению поступка», до-

---

<sup>17</sup> Там же, с. 251–252.

<sup>18</sup> Цит. по: З. Гимпелевич-Шварцман, *Интеллигент в романах...*, с. 51.

<sup>19</sup> Б. Пастернак, *Доктор Живаго...*, с. 458.

<sup>20</sup> Там же, с. 336.

стигнувшему цели и осознавшему ее бессмысленность, остается уйти в мир иной, не обретя бессмертия.

Понимание искусства как «рассказа о счастье существования», даже в том случае, если это трагическая история, – один из важнейших моментов философии Живаго-поэта. Он говорит: «Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает»<sup>21</sup>. Именно об этом истинном искусстве и говорил Пастернак со Сталиным, отвечая на вопрос о Мандельштаме, но Сталин в силу своего кардинально противоположного склада ума не понял поэта и упрекнул его в пассивности и нежелании спасти товарища.

Таким людям, как Сталин и Стрельников, не дано бессмертие духа, поэтому ужас смерти преследует их до самого конца. Известно, что Сталин панически боялся покушения и всячески пытался избавиться от возможных врагов. Стрельников также долгое время был вынужден скрываться, предупреждать предательство соратников. Свое освобождение он видит в самоубийстве. Картина гибели героя, увиденная глазами Живаго, раскрывает глубину авторского подхода к образу Стрельникова. В черновых набросках к роману мы встречаем:

В самоубийстве Стрельникова взять самоубийство всякого человека, а не отдельное определенное с какими-то причинами<sup>22</sup>.

«Надземный» взгляд доктора Живаго, как бы абстрагировавшись от суеты и жестокости сиюминутной конкретной действительности (капли человеческой крови кажутся ему ягодами мерзлой рябины), видит сквозную, уходящую в вечность перспективу человеческой жизни.

Стрельников, возмнивший себя судьей всего человечества, не становится победителем, не обретает бессмертия – он уходит обратно в вечную землю, сливаясь навеки с вечной природой, ее красотой.

Брат главного героя романа Евграф Живаго, в описании внешности которого (мальчик в оленьей дохе) и некоторых фактах его биографии (незаконорожденный сын владельца заводов и жившей в Сибири княгини Столбуновой-Энрици) исследователи видят много общего с обликом молодого Сталина, всемогущего, неожиданно появляется в самые тяжелые моменты жизни доктора и протягивает руку помощи. Однако демонического начала в нем не наблюдается, он никого не карает, а лишь помогает. В Евграфе воплощена оборотная сторона натуры Сталина – умение

---

<sup>21</sup> Там же, с. 336.

<sup>22</sup> Б. Пастернак, *Из черновых набросков и планов*, в кн.: он же, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 3, Москва 1990, с. 621.

ценить талант. Таким образом, Стрельников и Евграф Живаго, по сути, являются двумя половинками одного целого – загадочной личности Сталина.

Герой романа *Мастер и Маргарита* Воланд наделен демоническим началом, присущим в некоторой степени и Сталину. Воланд обладает как отрицательными, так и положительными чертами. Разоблачение жуликов и нечистых на руку руководящих работников сочетается с покровительством истинному писателю и исполнением просьбы Того, которому он, по идее, всегда должен противостоять.

Как отмечает исследователь творчества Булгакова Б. Соколов, высокий этический идеал Иешуа можно сохранить только в надмирности, в земной жизни гениального Мастера от верной гибели может спасти лишь сатана, этим идеалом в своих действиях не связанный<sup>23</sup>. В жизни Булгакова именно это и происходит: Сталин спасает его от лагерей и начинающейся травли и своей волей дарует возможность работать, при этом продолжая пристально наблюдать за мастером в его золотой клетке.

Некоторые исследователи творчества Булгакова отождествляют со Сталиным еще и Понтия Пилата. Но прямой связи между ними в произведении не существует. Наиболее верной нам кажется точка зрения Л. Яновской, увидевшей в Пилате скорее **отношение** Булгакова к Сталину<sup>24</sup>. Отношение к могуществу и жестокости, понимание собственной беспомощности и зависимости от силы власти. Ведь Пилат, как и Сталин, в случае необходимости, не задумываясь, выносит приговор тысячам, не удосуживаясь разглядеть в этом неисчислимом потоке одну-единственную самоценную жизнь<sup>25</sup>. Но в конце концов именно из-за одного несправедливо осужденного человека Пилат обрекает себя на вечный суд собственной души.

Л. Яновская в статье *Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри. В зеркалах булгаковедения*<sup>26</sup>, говоря об участии романного Иешуа и реального Мандельштама, проводит интересную и важную параллель между словами Пилата и Сталина. Имеется в виду фраза прокуратора: «Преступник называет меня „добрый человек“». Выведите его отсюда на минуту, объяс-

<sup>23</sup> Б. Соколов, *Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты»*, Москва 2006, с. 360.

<sup>24</sup> Л. Яновская, *Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри. В зеркалах булгаковедения*, «Вопросы литературы» 2010, № 3, <<http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ia1.html>>.

<sup>25</sup> Имеется в виду божественная сущность человека, Дух, уничтожаемый дьяволом, а не физическое состояние.

<sup>26</sup> Л. Яновская, *Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри...*

ните ему, как надо разговаривать со мной. **Но не калечить**»<sup>27</sup>, являющаяся буквальной аллюзией слов следователя по делу Мандельштама, передававшего распоряжение Сталина: «**Изолировать, но сохранить**». Именно эти слова прозвучали в горестном рассказе А. Ахматовой об участии Мандельштама и разговоре Пастернака со Сталиным в доме Булгакова и нашли свое отражение в его романе.

И у Булгакова, и у Пастернака два противоположных начала сталкиваются дважды. Булгакову в сцене первой встречи Понтия Пилата с Иешуа удалось незримо, на подсознательном уровне передать обстановку собственного разговора со Сталиным. Страшное одиночество роднит обоих правителей. Замкнутость и неверие в людей становятся определяющими в духовном мире и одного, и второго. Иешуа ведет с Пилатом разговор о жизни и смерти несколько иначе, чем об этом говорил с вождем Пастернак, который верил в то, что смерть может даровать лишь тот, кто даровал жизнь. Правда, в 1930-е годы Пастернак все отчетливее ощущал ужас перед слепой государственной машиной, которую даже сам Сталин, как и Пилат, уже не мог остановить. Сцена препровождения Иешуа на допрос к Пилату переключается со сценой насильственного привода Живаго в вагон Стрельникова. Но если Стрельников силой своей власти мог и отпустил доктора на свободу, пригрозив расправой в будущем, то Пилат обрек на мученическую смерть человека, в действиях которого не нашел состава преступления: «Показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал»<sup>28</sup>.

В романе ясно ощутима параллель между приказами прокуратора Иудеи и действиями Сталина, хотя сложно утверждать, что «кремлевский горец» переживал душевные муки, узнавая о гибели того или иного невинно осужденного человека. Мука одиночества, терзающая и Сталина, и Пилата, и Стрельникова, привела их к разному концу. В романе Булгакова мучительная смерть духа намного страшнее физической смерти. Пилат, оставаясь жить на грешной земле Ершалаима, фактически своими руками задушил в себе проснувшееся чувство справедливости. В наказание ему даже после смерти не дан был покой. Если Стрельников ушел, слился с вечной природой, то Пилат был обречен две тысячи лет сидеть на голой скале и грезить в своих тревожных снах о разговоре с бродячим философом. Стрельникову в последние часы его жизни была

---

<sup>27</sup> М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, в кн.: он же, *Сочинения в трех томах*, т. 3, Санкт-Петербург 1999, с. 22.

<sup>28</sup> Там же, с. 37.

дарована беседа о жизни и смерти с пастернаковским Христом – Живаго (Духом Бога Живаго), тогда как Пилат только в ином мире смог встретиться с Иешуа Га-Ноцри.

Такое страшное наказание, по мнению Л. Яновской, Булгаков придумал своему герою, напрямую не имеющему отношения к Сталину, возможно потому, что

[...] писателю виделась какая-то другая, посмертная расплата – с бесконечным шествием убитых и замученных, с бесконечно обращенными к мучителю ликами растерзанных по его приказанию близких и друзей [...] бесконечным, потому что уж за него-то заступиться будет некому<sup>29</sup>.

Сопоставление данных эпизодов наводит на размышления о поразительной схожести жизненных ситуаций Булгакова и Пастернака. Краткая беседа со Сталиным наложила отпечаток на их творческую судьбу, а вот продолжения разговора – разговора о жизни и смерти – не последовало, но каждый из них вел этот вечный диалог в своих произведениях.

---

<sup>29</sup> Л. Яновская, *Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри...*